

УДК 9(С)+902.9
ББК 63.3(2Р5)+79.3

Евгений Шободоев: портрет историка-архивиста

А. А. Иванов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Настоящая статья посвящена талантливому историку, выпускнику исторического факультета ИГУ Евгению Борисовичу Шободоеву (1959–2008), автору нескольких десятков научных статей, посвященных истории и краеведению г. Иркутска, много лет проработавшему в Государственном архиве Иркутской области, хорошо знавшему и любившему свою профессию.

Ключевые слова: история Иркутска, исторический факультет ИГУ, Государственный архив Иркутской области, Сибирь, краеведение, археология, архивная служба.

Трудно сказать, когда Евгений Борисович «заболел» историей, но в 1976 г. на исторический факультет Иркутского государственного университета он пришел точно совершенно осознанно. Конкурс тогда на истфак был одним из самых высоких среди вузов города – пять-шесть человек на одно место. Такое мелкое сито, быстро, еще при поступлении, формировало из вчерашних абитуриентов, при всей индивидуальности и несхожести каждого, коллектив единомышленников, людей, по-настоящему увлеченных историей. Отсюда и та своеобразная атмосфера, присущая, наверное, только истфаку: для преподавателя такой студент был не только благодарным слушателем, жадно впитывавшим знания, но и «младшим коллегой», а для студента преподаватель – не просто любимым педагогом, лекции которого всегда были обретением нового, а, в большей мере, зачастую, старшим товарищем, опытным проводником в таинственном мире истории.

В то время найти и открыть свою Троицу хотел, наверное, каждый студент. При этом вопрос, что изучать, по какой кафедре специализироваться, возникал не на третьем курсе – большинство студентов уже к первой летней практике выбирали объект своих научных интересов. Евгений определился с тематикой исследований, пожалуй, еще раньше – уже в школьные годы он «серьезно заболел» сибирской археологией. В университете это неосознанное стремление окрепло, было развито и на долгие годы стало одной из основных тем его научных публикаций.

Что определило выбор будущего ученого? На мой взгляд, две причины. Первая – соседство ставшего ему родным Усолья-Сибирского с Мальтой, где в 1928 г. М. М. Герасимов открыл всемирно известную верхнепалеолитическую стоянку древних охотников. Наверняка, Евгений не раз бывал на окраинах знаменитого села, спускался на берег широкой Белой, где река после ка-

ждого паводка щедро одаривала богатым подъемным материалом – ножи, наконечники стрел, проколки, пряжки и пуговицы в то время мог найти каждый мальчишка. Можно представить, сколь сильное впечатление произвела Мальта на Евгения!

Учеными не рождаются. Вот и человек, однажды посвятивший себя истории, учится, впитывает уже кем-то обретенный опыт, пользуется чьими-то готовыми знаниями, развивая и преумножая их. Такой средой, сформировавшей Евгения Шободоева как исследователя, безусловно, был исторический факультет классического университета. В 1970-е годы здесь работали талантливые педагоги, ученые, известные своими трудами далеко за пределами сибирского региона: В. Т. Агалаков, М. П. Аксенов, М. А. Бендер, С. Ф. Коваль, И. И. Кузнецов, А. А. Мухин, Б. С. Санжиев, Н. Н. Щербаков, В. В. Яровой. Эти исследователи не только сохраняли лучшие традиции иркутских историков довоенной поры – Б. Э. Петри, В. И. Огородникова, С. В. Шостаковича, Ф. А. Кудрявцева, М. А. Гудошникова, Н. Н. Козьмина, Б. Г. Кубалова, но и развивали новые направления научных знаний. Именно в эти годы исторический факультет стал центром изучения общественно-политических процессов Советской Сибири 1920–1960-х годов, особенностей социально-экономического освоения Зауральского региона, исследований в области историографии и источниковедения, царской политической ссылки, стран АТР.

Среди отраслей истории, активно изучавшихся в тот период, археология занимала особое место. Древний мир был не так жестко идеологизирован и предельно политизирован, как скажем, курс истории КПСС или СССР, что позволяло ученому чувствовать себя относительно независимым даже в общепринятой марксистско-ленинской парадигме. Наверное, именно это обстоятельство окончательно определило выбор Е. Шободоева в пользу археологии, тем более что в студенческие годы, и особенно после окончания факультета, его всегда отличало стремление к самостоятельности, принципиальности, категоричность ко всему и всем, и в первую очередь, к результатам и оценкам собственных исторических исследований.

Впрочем, в своей любви к истории Е. Шободоев никогда не замыкался только на археологии. Круг его научных интересов был весьма широк и разнообразен. Он, вообще, был одним из тех счастливых людей, кто, несмотря ни на что, ни на какие обстоятельства, мог позволить себе заниматься только тем, что было ему действительно интересно. Рядом с археологией вполне благополучно и мирно уживалась настоящая страсть к авиа- и судомоделированию; фалеристика и нумизматика перемешивались с подлинной книгоманией, любительская фотография с петрографией. Его всегда и всерьез увлекала военная отечественная история, и семинарские занятия по Русско-японской или Первой мировой зачастую превращались в интересную и содержательную дискуссию, где большинство студентов становились, в основном, наблюдателями, Н. К. Струк – благосклонным оппонентом, а Евгений – главным или единственным докладчиком.

Шободоев-студент как-то сразу, еще в начале учебы, сумел определить для себя круг любимых преподавателей. В него входили В. Г. Башкиров,

А. В. Дулов, С. Ф. Коваль, А. С. Маджаров, Н. К. Струк, Г. И. Медведев, В. И. Литвина, наверное, еще кто-то. Руководителем археологических изысканий Евгения стал Н. А. Савельев, «заразивший» своей увлеченностью и обширными знаниями не одно поколение молодых исследователей. «Наш Никсаньч», – уважительно звали его тогда студенты. Именно Н. А. Савельев, думается, привил Е. Шободоеву не столько специфические навыки археолога-практика, сколько научил умению синтезировать и обобщать конкретные результаты мозаичных полевых исследований в одну целостную картину, не только восстанавливающую, но, больше, воссоздающую историческое прошлое. Закономерен в этой связи и выбор, также обобщающей, по существу историографической, весьма сложной для пятикурсника темы дипломного проекта – «История археологических исследований в Сибири...».

Защита с отличием дипломного сочинения по столь обширной теме открывала для Е. Б. Шободоева путь уже не в студенческую, а во «взрослую» науку, подводила к началу большой работы по созданию кандидатской диссертации. Для ее написания и защиты у него были все задатки. Однако судьба распорядилась иначе: после окончания исторического факультета он был назначен, а затем и избран секретарем комитета ВЛКСМ Иркутского института сельского хозяйства.

И здесь, в ИСХИ, как и в учебе, проявил упорство, работал с полной отдачей. В живой руководящей деятельности он был также успешен, как и в изучении истории. Неожиданно для себя самого оказалось, что работать в заидеологизированной, зажатой «мудрым партийным руководством» молодежной структуре столь же интересно, как изучать историю исчезнувших народов. Каждодневная конкретная работа полностью поглощала, успешно проведенное дело («мероприятие» писать не хочется) приносило удовлетворение. Да и студент был здесь несколько иным, чем, скажем, в университете. В институте практически не учились иркутяне, а молодежь из глубинки, села была другой – более открытой, непосредственной, искренне стремившейся или также искренне не стремившейся (таких было мало) к знаниям.

Тон в общественной работе, зачастую носившей здесь совершенно неформальный характер, всегда задавал факультет охотоведения. Таких факультетов было всего два на всю огромную страну, конкурс – сравним с МГУ или МГИМО, поэтому и студент подбирался здесь соответствующий. Наведение порядка в молодежных общежитиях, боевая комсомольская дружина имени Улдиса Кнакиса, члены которой регулярно ловили браконьеров из числа высокопоставленных областных советских и партийных чиновников, предновогодняя операция «Ель» и весенняя «Нерест», редко заканчивавшиеся без стрельбы и погонь – Евгений участвовал во всех этих делах, неординарных, а порой, и просто опасных.

Среди одиннадцати секретарей городских вузовских первичек, он быстро выделился и стал одним из первых. Вот только поиск «неизвестно выбывших», да «своевременная постановка и снятие с учета» напрягали своей бюрократической волокитой, нежизненностью, формализмом. Его позиция по отношению к комсомольцам, «выбывшим неизвестно куда», т. е., попросту,

ушедших из института и не вставших на учет в новой организации, откуда в вуз делался запрос и только тогда туда высылалась учетная карточка, не отличалась от позиции других вузовских секретарей – если человек не встал на учет по новому месту работы, значит, он не хочет больше быть комсомольцем и от такого надо избавляться – просто выбросить его карточку, да и все.

Так думали многие комсомольские работники первичек начала перестроечного периода – борьба с «неизвестниками» отнимала много сил, а главное, немалую часть рабочего времени. Но и в этом совершенно неблагодарном деле Е. Шободоев проявлял завидную самодисциплину и упорство: до глубокой ночи мог самостоятельно перебирать карточки состоявших на учете комсомольцев, сам ездил в те коллективы, куда были распределены выпускники, встречался с руководителями предприятий.

В 1984 г. Е. Б. Шободоев пришел работать в Государственный архив Иркутской области. Надолго, почти на четверть века, здание по улице Байкальской, 79, стало для него вторым домом. Именно здесь он окончательно сформировался как историк, интересный и талантливый исследователь сибирской старины, высококлассный специалист архивного дела, широко известный популяризатор исторических знаний.

Для работника архива понятие «исторического источника» вторично. Здесь его заменяет другая терминология. Статейные списки, рапорты, отчеты должностных лиц, ведомственная переписка – все это не столько исторические источники, сколько единицы хранения. Единицы хранения составляют дела, систематизируемые по описям, описи объединяются в фонды. Пополнение того или иного фонда – дело конкретного предприятия и учреждения, обязанного, на основании федерального закона, сдавать вовремя и в полном объеме в архив свои документы. Очень часто эта сдача, а, значит, пополнение архива, а, в свою очередь, работа исследователя, полнота и даже сама достоверность его выводов (и истории как науки!) зависят от «простого» и не всегда профессионально образованного работника архивной службы конкретного учреждения с маленькой заработной платой и массой житейских неурядиц и проблем. Скажем, пошла работница какого-либо муниципального учреждения нашей области в декретный отпуск и «некем ее заменить» в течение полутора, а то и двух лет, значит, вполне возможно, на стол исследователя-историка не попала какая-то часть единиц хранения – исторических источников, скорректировав его выводы на то или иное историческое событие.

Взгляд на любимую историю с этой стороны, убежден, поразил и, может быть, сначала даже шокировал, Е. Б. Шободоева. Поразил своей простотой, обыденностью, отсутствием романтического очарования. Так как же «писать историю», объективна ли, достоверна и репрезентативна источниковая база наших научных построений?! Эти вопросы, уверен, всегда волновали Е. Б. Шободоева. Наверное, поэтому его, как архивиста, отличало понимание исторической важности порученного ему дела, осознание высокой ответственности, присущее лишь по-настоящему государственному человеку. Не случайно несколько своих наиболее содержательных статей он посвятил истории становления государственной архивной службы Восточной Сибири,

подчеркивая, что ее изучение дает не только знание функционирования государственного механизма, но и важнейшие сведения об источнике.

Обладание основательными, разноплановыми и ранее мало использованными архивами – мечта любого исследователя. Е. Б. Шободоев имел такой архив, как говорится, «под рукой», что всегда вызывало у коллег-историков хорошую «белую» зависть. Через несколько лет после прихода в ГАИО он уже совершенно свободно ориентировался не только в отдельных фондах, описях, но и многих делах досоветского периода сибирской истории. Именно отличнейшее знание этого громадного источникового массива помогло ему правильно осознать и главную особенность сибирской историографии XVII–XX веков: вся она насквозь пронизана одной центральной проблемой – проблемой освоения края. С ее решением тесно связаны все другие – заселения, колонизации, развития промышленного и сельскохозяйственного производства, истории рабочего класса и крестьянства, инородческая, политической каторги и уголовной ссылки, общественных движений и классовой борьбы. Живя в Сибири, исследуя практически любое историческое явление, историк, так или иначе, просто «наткнулся» на широчайшую научную проблему освоения края в том или другом ее аспекте. Столкнулся с этим и Е. Б. Шободоев. Столкнулся и стал искать в ней интересную для себя нишу. И нашел: Н. М. Ядринцев.

Имя Н. М. Ядринцева широко известно как исследователям, так и общественности. Его популярность обычно связывают с учреждением и деятельностью газеты «Восточное обозрение», а также изданием капитального научного исследования «сибирской действительности» – книги «Сибирь как колония» (1882, 1892). Между тем творческое наследие Н. М. Ядринцева гораздо богаче. И именно Е. Б. Шободоев сумел найти в, казалось бы, давно известном фактическом материале, слабо изученные или же вообще не исследованные страницы.

Прежде всего, заслуга Е. Б. Шободоева – в создании научно обоснованной периодизации творчества великого сибиряка. В жизни Ядринцева он выделяет четыре периода. Первый, по мысли исследователя, связан с началом общественной деятельности в первой половине 60-х гг. XIX в. и характеризуется резким неприятием, еще может быть, недостаточно осознанным, «темных сторон» сибирской действительности. Второй относится к так называемому «Омскому делу», следствию и политической ссылке в Архангельскую губернию. В период ссылки Н. М. Ядринцев стал серьезно изучать особенности функционирования институтов государства в Сибири, на примере деятельности М. М. Сперанского пытался показать ограниченность правительственных реформ. Третий период справедливо отнесен к службе Ядринцева в Западной Сибири, когда он сам, став государственным чиновником Главного управления, становится представителем сибирской администрации. Этот период, по мысли Е. Б. Шободоева, в биографии Ядринцева недостаточно оценен и исследован, а ведь именно здесь он совершил свои первые научные экспедиции, а, главное, почему бы и нет, мог стать видным государственным

служащим. О такой возможной альтернативе специалисты творчества Н. М. Ядринцева вообще никогда не говорили.

Последний период в жизни ученого исследователь считает наиболее сложным. По мнению Шободоева, в это время литературно-публицистическая деятельность перемежалась у Н. М. Ядринцева с попытками встать во главе общественного мнения в Сибири. Интересен и вопрос о связях Ядринцева с нелегальной зарубежной печатью, как наименее изученный.

Несомненна заслуга Е. Б. Шободоева и в расширении источниковой базы исследований, посвященных Н. М. Ядринцеву. Еще в 2000 г. ему удалось обнаружить в архиве Н. С. Романова ранее неизвестные письма Николая Михайловича к родным, а также к Г. Н. Потанину и И. И. Попову, раскрывающие новые стороны деятельности публициста в Иркутске. В том же году Евгений Борисович публикует исследование об экспедиции Ядринцева в Монголию, где описывает открытие им могильника на озере Цайдам. Особую значимость в этих материалах имеют собственноручные рисунки Николая Михайловича – более 300 листов – выполненных им в 1889 г. и хранящиеся в фондах ГАИО.

«Ядринцев и Восточно-Сибирский отдел РГО», «Ядринцев и изучение истории Сибири», «Восточное обозрение» и иркутское общество», «Ядринцев и администрация Сибири», «Ядринцев и Монголия» – вот далеко не полный перечень ядринцевской проблематики, разрабатывавшейся Е. Б. Шободоевым. При этом надо учитывать, что им в научный оборот вводились материалы не только ГАИО, но и архивов Москвы, Петербурга, Сибирского региона, Монгольской Республики. Его вклад, таким образом, в исследование творчества «заслуженного областника» весом и несомненен.

С 1984 г. Е. Б. Шободоев опубликовал более 70 научных статей. Их тематика разнообразна и связана, в основном, с иркутским краеведением. Однако определить эти публикации как чисто краеведческие никак нельзя – повествование о каком-либо конкретном персонаже или предмете автор выстраивает на широком историческом фоне, а отдельные примеры всегда получают свое обобщение. Более того, когда читаешь статьи Евгения Борисовича, кажется, что персонаж-то главный выбран лишь для того, чтобы более наглядно показать закономерности исторического развития, взаимосвязь явлений, событий, имен. Таких работ у историка много. Это статьи об иркутских генерал-губернаторах, где на фоне ярких, захватывающих рассказов об орденах, дуэлях и эполетах исследуется проблема взаимоотношений центра и окраины; публикации о памятнике Александру III, где за перипетиями сегодняшнего восстановления дана научная оценка геостратегическим устремлениям России на Дальний Восток в XIX в.; статьи об иркутских казаках, драгунах и юнкерах посвящены истории внутренней политики государства и сибирскому обществу, и т. д.

Одна из самых удачных и зрелых (на мой взгляд) публикаций Евгения Борисовича посвящена М. А. Гудошникову и написана им семнадцать лет назад, еще в 1994 г. Поводом к созданию этой, казалось бы, небольшой работы послужил анализ Е. Б. Шободоевым макета так и не изданного четвертого

тома Сибирской советской энциклопедии. Внимание исследователя, собиравшего, надо понимать, сведения об Н. М. Ядринцеве, привлекла статья «Областничество», данная как редакционная, но не безымянная, как обычно, а за подписью М. А. Гудошникова.

В статье лидеры областнического движения характеризовались «буржуазными интеллигентами», «выразителями кулацкого строя», «откровенно назвавшими на следствии в Омске своих единомышленников». Усомнившись в том, что подобные ярлыки были сделаны Гудошниковым, Евгений Борисович – и в этом зрелость исследователя – поднял материалы его личного фонда, хранящегося в ГАИО, где и обнаружил подлинный черновик этой статьи под одноименным названием. Сопоставив два документа, он пришел к выводу, что статья Гудошникова, уже сданная им в редакцию, претерпела в ходе подготовки тома значительные изменения, исказившие ее смысл и оценочные суждения. В отличие от откорректированного варианта, Гудошников характеризовал областничество как «течение среди сибирской интеллигенции, ставившее своей целью автономию Сибири», считая его в борьбе с колониальной политикой центра, безусловно, прогрессивным. Этот, казалось бы, частный случай, исследователь рассматривает как проявление сложных классовых процессов в советской историографии 1930-х годов, приведших, как известно, к победе марксизма-ленинизма.

Е. Б. Шободоев хорошо известен и как популяризатор исторических знаний, бескорыстный консультант многих современных когда-то начинающих, а ныне «маститых» сибирских историков. Он практически за несколько минут мог безошибочно сориентировать исследователя в его архивных изысканиях, щедро делясь своими собственными маленькими и большими открытиями в мире фондов и описей ГАИО. С теплотой вспоминаю то время, когда он мог по моей (и не только моей, такие примеры можно найти еще) просьбе переписать на свое имя архивное дело, сроки сдачи которого давно истекли, и можно было прийти в архив независимо от того, работает сегодня читальный зал или нет, сесть за его рабочий стол, получить огромную кружку крепкого чая и, по существу не лимитированную временем, возможность работать с документами.

Творческую лабораторию Шободоева-исследователя отличало, прежде всего, своеобразие. Оно проявлялось не столько в выборе темы – он писал практически только про то, что было ему интересно, – а в первую очередь, в его исследовательском подходе. Вместо того, чтобы сразу же развернуть свою проблему, обрисовать ее на общем фоне, соотнести с другими событиями, чтобы виден был ее масштаб, Евгений Борисович начинал с определения наиболее интересного в этой теме для себя персонажа, с выбора героя. Выбрав и «полюбив» своего героя, проникнув в причины и невидимый первоначально смысл его поступков, Шободоев буквально погружался в мир архивного поиска, выкапывая о нем как можно больше сведений из самых разных источников.

Находимый по ходу фактический материал закономерно расширял круг поисков, вместо одного-двух фондов проверялись описи, а затем и конкрет-

ные дела еще нескольких. Далее, следовала или остановка – объект поиска был просто-напросто исчерпан, или переход на новый «круг» – привлекались другие региональные или же центральные (бывало и такое) архивы. Евгений Борисович писал знакомым историкам в Якутск, Томск, Читу, Улан-Удэ, Владивосток, еще куда-либо, а не дождавшись ответа, нередко звонил сам, передавал приветы, излагал смысл просьбы, причем, делал это так увлекательно, что буквально «зажигал» своей идеей.

Насколько я знаю, его виртуальные собеседники всегда живо откликались. Откликался и я несколько раз, при этом, поднимая свои выписки, скажем, из региональных или центральных архивов, сделанные еще в 1980-х годах, начинал находить для себя продолжение и расширение своих когда-то уже забытых или надолго отложенных тем. Так было, например, с Л. Д. Троцким – теперь мы уже вдвоем (вернее, я, под строгим и требовательным руководством Е. Б.) перепроверял и дополнял написанное когда-то. Характерно, что о своих просьбах он никогда не забывал, бывало, начинал стыдиться за отсутствие незамедлительной реакции.

Такие архивные изыскания буквально захватывали Шободоева. Он жил этим, мог подолгу рассказывать, как проверял фонды, просматривал такие-то дела, находил такие-то факты. При этом он с гордостью показывал найденное им дело, тыкал своим могучим кулаком в конкретный листок и победно спрашивал: «Ну, видал, и что теперь скажешь?!».

Иногда казалось, что сам процесс поиска материала гораздо важнее для Шободоева. Но, так или иначе, потом, после многодневных поисков, Евгений Борисович садился за стол и приступал к обработке своего научного материала. Делал он это, по большей части, в архиве, засиживаясь здесь допоздна, и, как правило, по субботам и воскресеньям. В такие дни он нередко звонил мне в типографию и начинал подтрунивать-заводить: «Сан Саныч, – говорил он тоном известного героя из комедии «Джентльмены удачи» («Сан Саныч, денег давай, примус покупать буду»), – а вот ты знаешь такого ссыльного ... Он чьих мастей? – Ну, большевик, – отвечаю, соображая, где здесь кроется очередной и неизменный подвох. – А почему же при обыске у него нашли оружие? – Ну, может, он был членом народной дружины и оборонялся от черносотенцев? – Какая народная дружина в 1915 году, дружок!» Этот язвительный тон всегда означал, что Шободоев пишет, творит, он «в образе» своего героя и чувствует себя превосходно, все знает, на две головы выше тебя, имеющего формальную научную степень историка.

Не могу сказать определенно, легко или трудно писалось Евгению Борисовичу. Пару раз бывал в архиве по выходным дням. Он показывал материалы, над которыми сейчас работал, а сам садился заканчивать какую-нибудь очередную обязательную справку или отчет. Такие творческие субботы неизменно сопровождались увлекательными рассказами Шободоева о своих планах, или новых героях. Любая конкретная тема неизменно в его рассказах получала обобщение, приобретая характер закономерного проявления той или иной политики государства в Сибири. Такие рассказы Евгения Борисовича не только расширяли твои знания, но нередко выводили на новые темы,

заставляли фокусировать интересы на чем-то когда-то упущенном, малозаметном.

Все, что выходило из-под пера Евгения Борисовича, пронизано любовью к историческому источнику. При этом он достаточно редко просто цитировал интересные документы, или снабжал их авторскими комментариями. Из строго документального материала он мог создать и создавал реального, жившего когда-то человека, наделив его мыслями, поступками, внутренней энергетикой. Это, действительно, был его герой – генерал-губернатор, занятый проблемой беглых ссыльных; преобразователь Сибири, известный государственный муж, «прорубающий окно» на Дальний Восток; авантюрист, волею судьбы заброшенный из Польши на Камчатку; городской голова, изыскивающий хитроумные способы пополнения бюджета; брендмайор, пишущий подробную записку о борьбе с пожарами в Иркутске; декабрист – начальник полиции и многие другие персонажи. Все они написаны мастерски, автор не жалел красок, добавив много своего, талантливо реконструировал эти образы и их поступки, а не только слепо шел за архивным источником.

Вообще, надо сказать, что людей без исторического воображения Е. Б. не понимал и ему они были, наверное, не интересны. Сам он с видимым удовольствием всегда дорисовывал облик своего героя, находя именно в этом удовольствие от исследовательской работы. Вместе с тем такое увлечение искусством реконструкции прошлого не означало забвения или пренебрежения к фактическому материалу. Наоборот, Е. Б. всегда тщательно и скрупулезно относился к реальным фактам, проверял и перепроверял их неоднократно. Его историко-краеведческие статьи, помимо прочего, со всем основанием можно использовать и в качестве проверенного, на много раз выверенного, опубликованного исторического источника.

Несколько слов надо сказать о Шободоеве-издателе. Тяга к публикаторскому делу была в нем, конечно же, от любви к книге, книжному миру, к истории. Для него издание материалов стало закономерным шагом по пути исторического познания: архивный источник в его понимании обязательно должен был «работать», приносить пользу историческому сообществу. Два составленных им научных сборника, так и назывались – «Архивы – источник истины» (Иркутск : Оттиск, 1998) и «Архивы и управление Восточной Сибири: проблемы взаимодействия...» (Иркутск : Оттиск, 2004). Мне особенно запомнился первый, может, как раз тем, что дался и ему, и мне с большим трудом.

Евгений Борисович, не имевший опыта подобной деятельности, явно не ожидал такого рода трудностей – финансовые средства на издание он нашел сравнительно быстро и без особых проблем (в то время архивы еще не находились в ведении городской культуры, как сейчас – яркое, кстати, свидетельство того, что облеченные властью люди совершенно не понимают всей государственной, стратегической важности этой службы), а вот роль составителя оказалась для него делом не простым, не быстрым и, конечно же, не благодарным. Однажды легко обещанные статьи приходилось просто «выбивать» из уважаемых и вечно занятых авторов, не было знающего литератур-

ного редактора, способного править специфические тексты, «время уходило», начальство требовало. Все мыслимые сроки были, конечно же, провалены. Помню, чью-то статью мы переделывали, в полном смысле слова, в последнюю ночь, когда надо было не верстать макет книги, а упаковывать по коробкам пахнувший свежей краской сборник.

Именно Е. Б. Шободоевым было задумано и осуществлено издание научно-популярного историко-краеведческого сборника «Сибирский архив». Событие это до сих пор не оценено по достоинству исторической общественностью. Между тем Евгений Борисович запланировал и частично успел претворить большое и очень нужное дело – по существу, возродил когда-то пользовавшийся успехом у специалистов-историков, архивистов, археологов, краеведов, просто любознательных читателей это еще дореволюционное издание. Шободоев сумел составить четыре выпуска, сначала скромно назвавшись его «ответственным секретарем», а затем и редактором. Наиболее удачным следует считать, кажется, третий, посвященный 150-летию открытия Сибирского отдела императорского русского Географического общества.

С именем Евгения Борисовича неразрывно связана история журнала «Земля Иркутская». Шободоев неизменно входил в состав редакционного совета, при этом он не только «представлял» Государственный архив, а был, действительно, активным, много и интересно пишущим сотрудником. Неслучайно немалая часть исследовательских работ Е. Б. опубликована именно на страницах этого уникального регионального издания. Многие журнальные статьи Евгения Борисовича напоминают романы В. С. Пикуля – так ярко и талантливо выписаны герои, так профессионально выстроена сюжетная линия, так захватывают они с первых строк.

Евгений Шободоев не был безупречно-плакатным человеком и историком. Он, как и все, обладал своими слабостями и недостатками. Будучи талантливым исследователем, получая истинное удовольствие от процесса познания, он не интересовался должностями, званиями, научными степенями. Для него было необычайно важным установить истину, опубликовать результаты этой работы, своя же «карьера» в науке всегда была на втором, а то и третьем, плане. Формальный результат в виде солидного и вовремя защищенного «кирпича» был для него, человека здоровых амбиций и немалого самолюбия, все же неважен. Видимо, по этой причине он не издал и ни одной собственной монографии. Лишь после смерти близкие, друзья и товарищи Евгения Борисовича, собрав часть его статей и материалов, сумели опубликовать их отдельной книгой (Во власти истории: Евгений Шободоев. – Иркутск : Отгиск, 2009. – 340 с.). Внушительное же количество научных работ – архивных обзоров, рецензий, исторических справок – так и остались или в рабочем столе, или в неосуществившихся планах исследователя.

Evgenie Shobodoev: a Portrait of the Historian-Archivist

A. A. Ivanov

Irkutsk State University, Irkytsk

The present article is devoted to Evgenie Borisovich Shobodoev (1959–2008), the talented historian, the graduate of the Department of History of the ISU, the author of a couple dozen of scientific articles which concerned the history and regional ethnography of Irkutsk. Evgenie Borisovich Shobodoev worked for a long period in the State archive of the Irkutsk region, knowing well and loving his profession.

Key words: history of Irkutsk, the Department of History of the ISU, the State archive of the Irkutsk region, Siberia, regional ethnography, archeology, employment in archive.

Иванов Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и отечественной истории Иркутского государственного университета, 664025, Иркутск, ул. 5-й Армии, 26, тел. 8(3952)343234, e-mail: ottisk@irmail.ru

Ivanov Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, of the Department of Political Science and Russian History, the Irkutsk State University, 664025, Irkutsk, the fifth Army st., 26, 8(3952)343234, e-mail: ottisk@irmail.ru